

Пагубники. Николай Семенович Лесков leskovnikolai.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://leskovnikolai.ru/> Приятного чтения!

Пагубники. Николай Семенович Лесков

Посвящается друзьям беспомощного детства

Горе миру от соблазнов, обоче горе человеку тому, им же соблазн приходит. Мф., XVIII, 7

В этом очерке я буду говорить о предмете, который считают щекотливым, но речь моя будет так скромна и сдержанна, что не оскорбит ничем чувства людей нравственных, к которым я пишу эти строки, прося их о внимании и о помощи существам, требующим сострадания. Нынче у нас, как и в чужих краях, многие сильно заняты заботою о том, чтобы уменьшить сколько можно число несчастных молодых девушек, идущих дурною дорогою. Об этом много пишут, говорят, и кажется – кое-что делают. Надежнее многих иных забот в этом роде мне представляются заботы той благородной шведской дамы, которая приезжала в Петербург летом 1885 года. Она была здесь с целью сгруппировать в нашей столице добрых людей, способных чувствовать живое сострадание к молодым девушкам, испытывающим на чужбине тягость беспомощного положения, подвергающего их опасности терять себя в непосильной борьбе с обстоятельствами. Поиски людей, готовых прийти на помощь девушке, когда она изнемогает в борьбе и ей угрожает падение, кажется, удалась шведской даме, – по крайней мере они удалась ей хотя в известной мере, но все это касается одних шведок... Даму, о которой мы говорим, несправедливо было бы обвинять в национальной узкости: всякому простительно прежде всего позаботиться о своих, а потом, если есть возможность, и о других. Иначе можно разбросаться силами и не достичь ничего. Этому уроку и мы желаем последовать. Я не филантроп, не имею возможности быть филантропом и не верю в пользу филантропических затей, которых видел много: но вопросы, интересующие общество в данное время, интересуют отчасти и меня, а что мне интересно, то я люблю уяснить себе не с чужого голоса. С этой целью я собрал и напечатал в одном из наших исторических журналов несколько исторических сведений о том, как у нас ранее сего собирались уничтожить публичную пагубу у девушек и как этим ничего для пользы их не достигли. Но, помимо частного исторического материала, с которым я имел дело в журнале историческом, мне попало в руки еще нечто достойное внимания читателей семейного журнала, так как добрая семья может принести величайшую пользу всем, кто приходит с нею в какое бы то ни было соприкосновение. Я имею те же убеждения, как упомянутая мною шведская дама, т. е. что спасти девушек от худого пути надо ранее, чем пагуба их совершилась. А потому меня особенно интересовало: как доходят самые молоденькие девушки до первой ступени лестницы, приводящей их в дальнейшем на самое дно мрачной ямы? И вот что сильнее поразило меня: это родственные письма, адресуемые из деревень к проживающим в Петербурге молодым девушкам, находящимся в услужении или в учении. Письма эти присылаются обыкновенно ближайшими родственниками детей и наичаще даже прямо родителями, и потому, казалось бы, тут ли быть какому-нибудь злу или соблазну, а между тем тут-то именно и есть и зло, и соблазн. Я собирал (выпрашивал и покупал) эти родственные письма и почти во всех из них всегда находил одну очень странную, как бы сказать – народную черту: родственную жадность, сколько бессердечную, столько же и безрасчетную. К девочке, находящейся в услужении или даже в учении (а особенно в услужении), пока ей идет год одиннадцатый, двенадцатый, "посылают деревенского гостинца", а у ней осведомляются: "нет ли у тебя кофию и сахару". Хозяева или лавочник, у которого забирают для дома, дарит девочке фунт кофе, и она его посылает с детской радостью. Это – начало. Дома "кофий" пьют и шутят: "пропили Саньку". Но чуть девочка подрастает (лет с 14-ти) ей начинают уже кроме кофе напоминать, что "дома трудно" и что "нельзя ли тебе самой достать где-нибудь хоть на паспорт" ("кофий" пойдет уже на всю жизнь). Впрочем, рядом с первым требованием денег сейчас же следует и строгое наставление: "веди себя честно". Девочка жалеет родных, плачет и где-то раздобывается деньжонками и посылает их на паспорт. Дома как будто только и ждали этой податливости. Сейчас же изменяется тон упоминаний о присылке денег – он становится настойчивым и переходит в требовательность, в которой уже слышна уверенность, что девочка может достать и прислать денег. Притом ее ставят всегда в неловкое положение со стороны деликатности, а деревенские дети очень отзывчивы ко всему, что им напоминает родную семью и ласку. Родители пишут, например, девочке следующее: "едет твоя тетка Маремьяна, и мы посылаем тебе с нею деревенских гостинцев, орешков домашнего собирания. А ты с ней пришли нам в оборот домой кофию и чаю, и сахару, и денег, десять рублей, или сколько можно

побольше, и веди себя честно". "Веди себя честно" – это как припев, который идет вслед за каждым куплетом о том, что просят "прислать". Тетка приносит мешочек лесных орехов и стоит на кухне – что называется "над душой", пока не выканючит у девочки и кофий, и чай, и сахар, и еще 5–6 рублей, которые та со слезами выпросит у хозяев, в счет жалованья, получаемого в размере 3-х или 4-х рублей в месяц. А пока девочка отслужит эти деньги – из деревни жалуется уже опять новое родственное лицо, и снова с копеечными деревенскими гостинцами и с жадной просьбой "послать кофию и чаю, и денег, и вести себя честно". Многие хозяева, имеющие в услужении молодых подростков-девочек, очень хорошо знают это жадничанье и заступаются за обиравших детей – хозяева представляют родным резоны, что "девочке самой надо обуться-одеться", но не помогает. Им отвечают: "а как же родным быть, – они ее вспоили-вскормили, и теперь сами при старости". Девочка слушает эти пререкания и плачет. Она хотя и знает, что хозяева правы и говорят дело, но все-таки выпрашивает что-нибудь "до заслуги" и посылает и кофию, и чаю, и денег. Иногда эти деньги идут действительно на домашние надобности, а иногда расходуются здесь же, в Питере на пропой... Решительного и твердого характера хозяева порою отказывают в этих жадных поборах, но это делу не помогает. Из дома от родителей девочки приходит письмо: "от этих хозяев сойди – тетка тебе приищет лучшее место". Является какая-то присыльная тетка. Это почти всегда бывает бойкая, на все искусившаяся в городе бабенка, которая сейчас готова что хотите устроить. Она уводит девочку от честных хозяев, и "ставит" ее по своему усмотрению, основанному всего чаще на очень низких соображениях и расчетах. После теткинго устройства девочка начинает присылать деньги легче. Родители рады – приемлют, благодарят и повторяют увещание: "веди себя честно". Это они считают за добродетельную формальность... И девочка скоро тоже начинает относиться к этому только с формальной стороны. Она знает, что достать столько денег, сколько родные у нее просят, и при этом "вести себя честно" – нельзя. У нее в голове сложился простой вывод, что родители ее – не малолетки и что они без сомнения знают и понимают, как молодая девушка может получать деньги более того, что она может заработать. Отсюда другой вывод: стало быть, они не гнушаются тем, как она добыла деньги, а даже как бы "благословляют" ее на это. Только "присылай". Это нужно. "Я посылаю вам, – писала одна девочка, – а вы, родители, – вы за меня Богу отмолите"... Бога она еще боится, но религии, в смысле правил жизни, у нее нет. Что же касается слов насчет "честного поведения" – то это одна старая погудка... Девочка пошла доставать и посылать все более и более. Но недолго она будет посылать: скоро, даже чересчур скоро неправильная жизнь притупит в ней все те нежные чувства, которым она повиновалась, отсылая в семью все, что могла добыть. В душе несчастной развивается суетная страсть к нарядам и глухое, но очень понятное негодование на домашнее попрошайничество. Одно воспоминание об этой родственной жадности, которая навела девочку на первую мысль о том, чтобы разнообразить свои средства к добыче денег, – как ножом колет ее в сердце; девочка раздражается, сердится на родных, которых она ранее нежно любила, и вдруг, совсем неожиданно для самой себя, перестает их любить. Это большею частью случается с досады и быстро внедряется в сердце, где нет ни религии, ни других руководящих правил, а все держалось на одном чувстве. Родительская жадность оскорбила чувство – и оно сразу выпадает, как цветной глазок из перстня. Глядеть больше не на что – надо все колечко снять и бросить куда-нибудь в запаянный ящик. Иногда бывает даже и так, что девочки очень нежные начинают ненавидеть своих родителей, а над заветом их "вести себя честно" дерзко и нагло смеяться... Известна ведь сложная на эту тему поговорка: "невинность соблюсти и капитал приобрести – невозможно". Так молодая девушка навсегда пропала для семьи и для себя, и весь небольшой доход, не в пору рано с нее начатый, – рано же кончается. Вместо того, чтобы долго быть полезной по мере сил своему семейству, – девушка бросает и думать о родных, а часто и знать их не хочет. Это доверменно погибшее дитя теперь напоминает собою зеленый незрелый плод, который сорвала варварская, бесхозяйственная рука. Наступает время, что о ней надо плакать, о ней надо жалеть, и вот родители пишут ей: "мы наслышались, как ты живешь и не по званию ходишь, но мы тебя так не благословляли, а всегда тебя учили: веди себя честно. И нынче тебя в том же благословляем и просим приши нам кофию и чаю, и сахару, и денег тридцать рублей на починку платья, да относильных платьев сестрам". Отсюда на деревенских девушках появляются те алые, зеленые и голубые обноски, самый цвет которых на городской улице сверкает чем-то зазорным. Родители не обращают на это никакого внимания: они думают, что они вполне правы, что они всегда прекрасно поступали, – они только просили кофию и чаю, и денег, но всегда писали: "веди себя честно". Они нимало не повинны в том, если что-нибудь нечестное случилось с их дочкой... Они думали, что она может брать чай и кофий у хозяев или даром у лавочника, а "посылать деньги" она могла... так себе откуда-то... Падение совершилось: это – ужасного значения шаг

Пагубники. Николай Семенович Лесков leskovnikolai.ru

в жизни девушки, а между тем как он делается иногда легко и просто! В числе корреспондентки, которые сделали мне известны в это короткое время, пока я слышу о заботах, клонящихся к тому, чтобы оцеломудрить наши города, – есть одна историйка, чрезвычайно характерная и трогательная по своей архаической простоте. В сановитом и очень достаточном, но простом по своим обычаям петербургском семействе в числе прислуги жила девочка шестнадцати лет, которую мы здесь назовем хоть Грушею. Она происходила из крестьян Петербургской губернии Ямбургского уезда и пришла в этот дом 14-ти лет. Здесь ей платили сначала 2 рубля в месяц, потом 3 и, наконец, 4 рубля; но главное – ее здесь любили и берегли, как свое дитя. Девочка жила как будто в родной семье, с тою разницею, что эта семья была более нравственная и более разумная, чем та родная семья, которая воспитала дитя в деревне. Груше строили платьица и обувь, стараясь сделать ей все хорошо и дешево; Груша жила в одной комнате с барышней и пила чай с няней, а вечером шила у одной лампы с хозяйками и "слушала книжки". Ее научили читать и писать, ознакомили со словом Божиим и приучили уважать труд и хранить скромность и умеренность. Девочка была некрасивая, но очень смышленная и очень сердечная. Все позволяло надеяться, что из нее со временем должна выйти хорошая и вполне честная женщина, но не тут-то было. Та безукоризненная, по мнению многих, "деревенская среда", где будто нравы очень чисты, настигла свое дитя в его городском приюте. Родственные проделки над Грушею были приблизительно те же, что и везде, и проделаны они были по всем статьям родительской программы: сначала просьба – "пришли чаю, сахару и кофию, и на паспорт", – а далее, немножко позже: "чаю, сахару, и кофию, и денег десять рублей", и так пошло далее как по-писаному. Между тем девочка сама рассказывала, и хозяйка ее другими путями знала, что родители этой девочки "по крестьянству люди нескудные". У них были и поля, и луга, и берег озера, и кони, на которых зимою отец и брат Груши приезжали в Петербург извозничать; но от всего этого Груше не становилось легче, – напротив, с приездом отца и брата ей было еще хуже. Отец поедет, поедет, и заедет к дочке: "Дай полтинник – я другой день без почина". Девочка стыдится, плачет и выпрашивает у хозяев. Через неделю ее посещает брат: "Дай полтину – я оглоблю сломал в трактире на дворе – меня теперь со двора с лошадыю не спущают". Девочка отказывается и плачет, говорит: "проси у отца – отец даст". – Нет, – отвечает брат: – отец не даст – он лаять станет. Девочка плачет. – Вы меня, – говорит, – всю испили с отцом, а потом еще мать приедет – та просить станет, а мне самой одеться будет не во что. Брат, как человек опытный, посмотрел на сестру и говорит: "Отчего же? отчего другие смотри-ка как одеваются". – Другие, – отвечает застенчиво девочка, – мне за другими не угоняться. – Отчего же так? – Не хочу говорить. – Разумеется, нечего говорить. Девочка уже умела понимать смысл таких слов... Их оскорбительное значение сначала вывело ее из себя: она бросила брату полтинник и, плюнув ему в лицо, сказала, чтобы он не смел никогда приходить к ней. Тот назвал ее дураком, обтерся, но полтинник взял и – его пропил. Но едва девочка оградилась от родства с мужской стороны, как деревня подходит к ней с наиболее чувствительной, с женской линии: к девочке является с деревенскими гостинцами присыльная деревенская тетка. Эти "присыльные тетки" – прелюбопытный и в своем роде препротивный тип. В большинстве случаев они представляют собою самые ужасные, бесстыжие и гнусные характеры. Они, как на подбор, всегда пройдохи и мастерицы вымозжить из девочки все, что только возможно. Девочки их редко любят, а часто боятся и трепещут, но всегда принимают. Тетки ли они "всамделишные", или десятая вода на киселе – этого не разберешь. Деревенская родственница ведь идет вширь и вдоль очень просторно. Называются же эти бабы просто "тетка из своего места". Не разберешь, какая это степень по кормчей. Главное в этих тетках – их цепкость и емкость во взыскательных приемах. Дайте только им поручение обобрать девочку – и уж они оберут ее до последней нитки или сейчас "переставят на место". И несмотря на это, деревенские родственники нарочно и подсылают такую тетку. – Эта, – говорят, – управистая. За исполнение исковых поручений "тетка" урвет себе кус из взысканных денег и возьмет "отсыпного", т. е. отсыплет чаю, сахару, кофе. Стоит только дать эдакой бабе "адресок девочки да гостинчики", и она уж, известно, дойдет с девочки все, – лучше, чем подьячий на правее. Стоит только послушать, какие истории рассказывает эта Шехерезада бедному ребенку, к которому прислали ее родительская нежность и родительская алчность. То она рисует ей сцены трогательные, ужасные – как дома будто томятся нуждою и как страдают оттого, что вынуждены просить у своего дитяти пособия. – Нешто это легко матери-то? Мать-то, слезами обливаясь, говорила: "скажи ей, Груше-то, мне ведь ее жалко". И рассказчица сама плачет. Глаза у нее всегда на мокром месте. Девочка волнуется, растрогивается и тоже плачет. Сердце ее теперь рвется к семье и готово на всякую жертву – лишь бы только это было в ее возможности. Тетка переменяет вид и заводит песни веселые и уносящие душу стремлениями к дому – она сообщает, как за

Пагубники. Николай Семенович Лесков leskovnikolai.ru

сестру девочки жених из торговцев сватается и как всему этому легко бы стать, но только у невесты платя с спальей нет. А как "спанье" шьется – это девочка знает. Не важная бы вещь учредить "спанье" – да не на что. Самого незначительного дела не достаёт, а через это можно упустить большое счастье! Тут, как хотите, надо на все решиться! – Ведь это свои, а не чужие... И станете ли вы удивляться, что такие по-видимому малые вещи производят большие последствия? Не будьте торопливы и несправедливы – не удивляйтесь. Если самые обыкновенные, неуклюжие, но речистые свахи часто и так легко обольщают и морочат людей взрослых и иногда даже людей очень опытных, прошедших школу жизни, то есть ли что-нибудь трудного в том, что названного типа "присыльная тетка" свертит с толку и сделает все что захочет с девочкою – с существом еще юным и малоопытным? Нимало! Здесь, в этой родственной игре все козыри на руках "присыльной тетки", и разумеется – всякая игра ею у девочки всегда выиграна. Первые претензионные и неосновательные недовольства хозяевами, первые опыты грубить им и делать им дерзости и ни во что не считать все знаки оказываемого им доброго внимания – все это начинается с "научением присыльной тетки". Чаще всего девочка и начинает обнаруживать свою строптивую глупость тотчас же после посещения ее "теткой", и притом она всегда почти начинает говорить ее же пошлым, ерническим языком. Тут выработались свои известные вокабулы, по которым строятся речи. Тетка так и учит: "ты им скажи такие речи". – Я, мол, не дуручка, довольно того; у меня сродственники – я к своим в деревню поеду или на другое место сойду. "Ты не поддавайся, а отвечай в речь – так и так", – и девочка спешит показать свое знание – она затверживает теткин урок и ищет случая проговорить его, "произнести свои речи". Она ищет повода, к чему бы ей придраться, чтобы почувствовать себя будто в обиде и начать "не поддаваться" и "грубить"... Желаемый случай, разумеется, является скоро. Кто хочет придраться ко всякому поводу, чтобы обидеться, тот, конечно, всегда найдет такой повод. И вот девочка, которую в доме любили и берегли, словно перерождается: лицо ее утрачивает милое и доверчивое выражение, которое к ней располагало, – вместо того она морщит брови, надувает губы на всякое замечание и фыркает, как злой котенок, на каждый доброжелательный совет. Скоро она уже будет пробовать свое искусство "говорить речи". Сначала ей снисходят и только удивляются: "Откуда это? что такое с ней сделалось?... Было такое милое доброе дитя – и вдруг стал огрызок Город портит простые, добрые нравы... соседние кухарки, дворники, лавочные сидельцы..." Во всем винят "тлетворное городское влияние", а никому из рассуждающих об этом и в голову не приходит, что это совсем не городское, а самое народное, простое, деревенское, что это привезено из деревни и в руке старой рубашки с орехами, – и это, к сожалению, почти всегда так... Но проследуем дальше: пошлость надо только раз попробовать, а потом она уже и сама в себя потянет. Девочка быстро утрачивает милые черты детства, она усваивает привычку "отвечать" как взрослая, – она становится "грубою": неприятною, ее нельзя держать – и ее отпускают... Птичка выпархивает на крышу, а из слухового окна ей навстречу выходит кот... Так было и с тою, о которой я рассказываю. Досаждаемая докучными просьбами родных, девочка Груша стала "разлюбливать" их, а в то же время "с сердцов" она стала отвечать хозяевам "речи", т. е. говорить то, чего сама не думала. Хозяева ей советуют: – Не посылай, Груша, больше, чем можешь. Это не поведет тебя к добру. – Как же я могу своим да чтобы не посылать?..

Они просят. – Отговорись. – Они тетку пришлют. – Не выходи к тетке. – Как же не выходить, – она от родных пришедши. – Что же делать, если твои родные так нерассудительны, что не дают тебе опериться. Это для них же хуже. Бог даст – подрастешь, станешь получать более – и тогда и им помогать можешь. – Всякому свои родные дороги. Это уже "речи" – это слово в задоре, которое не отвечает разговору. Хозяйка на нее посмотрела, как на дитя, заговорившее не своим тоном, и заметила ей: – Ты, кажется, начинаешь говорить не своим голосом? – Очень просто. (Это опять речи.) – Что же ты это так дерзко отвечаешь? – Какие же, в чем эти дерзости? Я просто говорю, свои родные всякому милы (она их в эту минуту ненавидит). Ведь вы своих родных обожаете и принимаете, и я должна такое место иметь, где мне моих родных обожать можно. – Обожай, друг мой, одного Бога и его слова слушайся, а не повторяй чужих глупостей. – Мы много не учены и в Евангелии не читаем... – Очень жаль. – Жаль не жаль, а деться некуда, но своих родителей выручить надо. Она их в ту минуту уже совсем ненавидит и сердита на них, потому что это из-за них она ссорится с людьми, принимающими в ней самое доброе участие. Но уж раз речи начаты – она их докончит; и первое слово о перемене "места" она произнесет сама. Ее еще жалеют, ей еще не думали отказывать, но что тетка ей надиктовала, то ей запало в голову – она свой урок выполнит. Мысль о разлуке пала уже между ею и хозяевами, и через малое время готово ее исполнение. Надо только подлить масла. Тетка везет его из деревни. Пока девочка училась

говорить речи, тетка привезла ей орехов и новое письмо: "пришли нам кофею и чаю, и сахару побольше, да сукна самого получше три аршина сестрину жениху подарить, потому сестра твоя замуж выходит". Девочка сукон не покупала и о цене сукна не имела понятия. – А почему аршин сукна стоит? Тетка тоже хорошенько этого не знает, но отвечает: – Которое ежели хорошее, то, мол, надо дать рубля по три, похуже – то подешевле. Это они (отец и мать) наказывали, мол, чтобы ты непременно прислала хорошего, – потому что жених хорошего роду, чтобы еще не обиделся на худом сукне, от сестры не отказался. Девочка задумалась, посчитала в уме – сколько три да три, и руками всплеснула!.. Аршин по три рубля, да другой три, да еще третий три... Это значит – надо девять рублей! – Девять рублей! – восклицает она. – Да; уж ты, девушка, постарайся. – Да где же мне их взять... этакую силу денег! – Ну вот! Это ведь не всякий год сестра-то замуж идет... Вы ведь одной утробы, под одним сердцем лежали и одну грудь сосали. Ты ведь не маленькая понимать нынче все можешь, ты материнское сердце пожалей. – Да где мне взять, где мне взять! – Не знаю. Вздумать надо. Ты уж не маленькая. – Все вздумала, мне девять рублей взять негде. – Иди и спроси у хозяев. – Я у них и так уже забралась. – Эка важность! – забрамчись-то и еще можно. Случай такой. Не всякий раз сестра замуж выходит, хорошего жениха ловить надо... – Все же мне стыдно просить. – Нечего стыдиться. Красть стыдно, а просить нечего стыдиться. Пускай откажет – я тебя на другое место сведу. И опять приводится аналогия, что если бы к дочери хозяйки присватался жених, так и она небось не упустит: займет, да дойдет. Девочка долго колеблется, но наконец сдается перед силой теткинских убеждений и идет просить девять рублей. Она не хочет быть дерзкою; но сама не замечает, как берет ее теткин голос, и произносит перед хозяйкой всю только что выслушанную пошлую рацею, в заключение которой у нее вырываются и те глупые слова: "приведись хоть и вам для вашей дочери, так и вы займете". Выстрел попал в цель – ей ответили: – Не говори ничего больше, Груша, ты сказала довольно. Я вижу – ты не дорожишь нашим местом. Девочке стыдно – у нее сверкнули слезы раскаяния, но она не хотела выдать наружу хорошего движения своей души, чтобы другие не увидели и не пересказали ожидающей ее на кухне тетке. Она лучше притворится дерзкою и смелюю, которая ничем не дорожит. В этом духе она и отвечает: – Легко ли дело хозяева! Мало ли их на свете! Ей говорят: – Ты свободна, располагай собою как хочешь, но только жалко, что ты избрала для этого такое дурное средство, как грубость. Это не делает чести твоему сердцу: ты у нас на ноги стала, и мы тебя любили, и если отговаривали тебя обирать себя, то не думай, что мы делали это по скупости. И чтобы тебе это доказать, вот тебе десять рублей, которые тебе нужны, – возьми их от нас себе в награду. Груша плачет, целует руку хозяйки с горячими слезами, но язык ее повторяет теткин диктант. Она уловила слова: "это не делает чести твоему сердцу", и не упускает времени отвечать: – Честь – господское дело, нам не пристало. Ее молча тихо крестят. Она резко оборачивается и выбегает. Такая торопливость необходима, потому что иначе она бросилась бы в ноги к хозяйке и стала бы просить прощения, и тогда репутация ее пала бы на кухне и пронеслась бы позором по всей родной деревне. Как бы плакала мать и причитала: – Мать-то, родителей-то своих не пожалела, а хозяйку стало жаль? Недостойная!.. Но этого не было. Девочка выдержала характер и вышла к тетке с красною ассигнацией и с мертвенно-бледным лицом. – Что? – спрашивает тетка, – дали? – Денег дали... и от места отказали... – шепчет чуть слышно девочка. Всего своего разговора она не передает. Ей совестно, что ей первый раз "отказали" люди, которые ее любили и которых она любила. – Ишь сволочи какие! – говорит тетка. – Да и лучше сделали, что отказали. Не мало местов есть окромя. Я тебя на лучшее место сведу, а теперь на сестрину свадьбу домой приедем. Чего еще – послужишься им подлым, – а у нас теперь весело... качели поставили. Пойдем сейчас с этими деньгами сукно покупать: может быть, от десяти рублей-то еще и себе на розовый ситчик выторгуем. Они ведь, хозяева, тебе все синенькое да коричневое шили. Девочка сквозь слезы напоминает, что хозяева дарили ей и платья и других цветов. – И серенькое дарили. Она помнит, как ей дарили это платьице и как весело все они вместе его шили и примеряли – как сама хозяйка припиливали на ней выкройку и говорила: – Не вертись, вертушка, а то уколоу булавкой. Все это было так тепло, радостно и семейно. Теперь так не будет больше. Будет иное – будет веселее, иное будет. Тетка дает мыслям направление, соответствующее обстоятельствам. – Легко ли, невидаль, серенькое. Что ты, богаделенная старушка, что ли, или сестра милосердия – ходить в сереньком? Мы сейчас пойдем розового отхватим, да с спаньем сделаем – у меня в рынке в лавке знакомый прикащик есть, – он нас уважит. – Спроситься надо. – Чего? Отказали, и кончено. Вот тебе еще какое кушанье. Тфу! Наплевать, да и только. Идем. Ушли. Тетка плывет впереди как гусыня. Девочка идет за нею в волнении, совесть ей говорит, что она поступает гадко, неблагоприятно, но тетка плывет как гусыня и гогочет: го-го-го. Она довольна – на широку воду выплыла. Вот рынок, шумно,

весело, молодцы закликают, зовут "барышнею"... Лавка кажется таким изяществом, и прикащик с расчесом на аглицкий манер – совсем на барина сходствен... Только оказывается, что выторговать совсем нечего: сукно стоит не по три рубля, а по три с полтиной... Полтинника еще недоставало. При тетке своих денег тоже нет – у теток никогда своих денег не бывает. Сукна бы нельзя купить, но прикащик выручил: он на полтинник поверил и розового ситцу отрезал – только не отпустил при других, а обещал принести в трактир. Надо идти ждать в трактире. Это первый раз страшно, но тетка ее успокоила. – Чего бояться? – трактирщик не наших мест, – чаю напильсь, и только. Чай, мед, лимонад... еще что-то... Тетка стала красная... и все пошло в круг! извозчик, куда-то едут... что-то страшное... Утро, незнакомая комната... "Ах! Где это?" А пьяная тетка крепко-накрепко спит на диване. – Пойдем, пойдем отсюда! – будит ее девочка. Та тоже крестится... Ни за что она не думала, что так выйдет... Все лимонад испортил. – Об одном тебя прошу, – говорит, – никому не сказывай, как я ослабла-то... Мы ведь к лимонаду непривыкли. Напрасная просьба! Скромность в подобных случаях обязательно приходит сама собою. Девочке хочется только уехать скорее... Она заходит к хозяевам "только взять узелок". Она "как потерянная", но для объяснения этого состояния слишком много причин, за которыми не рассмотреть настоящей. Другие вещи, составляющие богатство девочки, ей позволяют оставить: "все тебе спережем". – Знаю, знаю, – плачет она, – вы мне лучше всех родных. Она со слезами целует руки и уезжает "на свадьбу". А свадьбы, по народному выражению, бывают "с трубами", бывают и "без труб". Одна идет въявь, другая тай. Проходят картины деревенской свадьбы. Вино до одури, срамные намеки, от которых у непривычного человека лицо горит... В городах это все завертывают в бумажки, а здесь так прямо в раструс сыпят... "Лови, девки, лови, бабы, лови, малые ребятки"... Во все уши – всем сестрам по серьгам. Чад от вина, от убоины, от масляной каши и жирных драчен; несуразный, дикий хохот, бесстыжие песни, бесстыжие сцены; у девок и у женщин лица красные, как будто сейчас только из бани вышли и опять сейчас туда, опять готовы... Хлещи-плещи, бань и талань, кто хватче! Никто, кроме свах да дружков. Один скажет хорошо, а другая поправит еще лучше. "Народ со смеху киснет". С печи "снимают" старого деда. Это уже человек не от мира сего. Дружка говорит: "Спеши, дедушка, а то не поспеешь. На тебя уже на том свете мясина идет". – Небось, брат, поспею! – шамшит дед и, поднимая стаканчик, возглашает: – Горько! Хохот. – Вот дед уважил! Поцелуй. Им нет конца... "Пригубь на горько... пригубь на сладко". Это занимательно... В молодой голове все как туман застилает... Волостной писарь с гитарою исподтишка критикует крестьянскую дикость: он говорит почти таким же образованным языком, как типографский наборщик, этот опасный в сердечном чувстве человек с губерновским настроением. "Я, – говорит, – здесь только для вас и существую, Аграфена Егоровна, а на других бы всех я и смотреть не стал. Одна серость бесстыдства". Он целомудрен и стыдлив. Пьяны все, и отец пьяней многих, – он "хозяин", и в это время он неистовствует, – мать спрятавшись, потому что муж "бьется"... "Ты, – говорит он, – понимай", – а сам ничего не понимает. Надо искать мать. Вернее, она в половне, в солому закопалась... Девочка идет, и писарь за нею. С ним она ничего не боится – "он такой честный господин". В соломе так топко, так темно... Нет, он не честный господин!.. Она теперь знает, "как все мужчины подлы". Произошло "повторение бенефиса"... – Зачем же это, зачем вы с такой низостью! – говорит она вся в слезах, встречая вечерком писаря. Он оправдался, он так ее любит и между тем осужден жить в крестьянской серости. Пусть другие, грубые люди пьют, а Груша и он вдвоем катаются... Луна, ночь... Соловей свищет. Девочку начинает тошнить... Она со своим горем к писарю... Ужасное открытие: он женат!..

"Так зачем же... зачем?" Тот отвечает: "ты такая была"... Она в отчаянии. Мужчины подлы – это так, но надо сознаться отцу, матери или хоть тетке. Тетка, однако, оказывается всех гораздо находчивее: она учит – "проси у него на дорогу и бери паспорт, да ступай в Петербург там в воспитательный дом, а сама к богатым в мамки". Готово! – денег нет, но паспорт есть. Ступай на все четыре стороны. Прощаются, родители благословляют, плачут и дают наставление: "Смотри, веди себя честно, а как из мамок будешь выходить – смотри платье мамошное татарам не продавай, домой пришли – сестрам надо". Везет дочь в Питер сам отец – он там снова будет извозничать. Дорогой у отца с дочерью обо всем бывшем ни слова – только когда почтенному человеку надо подкрепиться национальным зельем, он своего гроша не тратит, а говорит дочери: "Грушенька! поищи чего-нибудь по мелочи для родителя". Та дает какие-то последушки. Отец наблюдает за ней и спрашивает: – Это от кого у тебя – от писаря? Девочка отвечает: "нет". Она сама не знает, откуда у нее еще уцелели какие-то остатки мелочи. И припоминать не хочется. А отец празднословит: – Так от кого же? – От черта, – резко отрывает

дочь. Отец обижается. – Ну дочь! Вот так дочь! – говорит он. – Вот так дитя милое! Ишь как отвечаешь! Разве это так можно родителю? Добру тебя, видно, хозяева в городе наставили. Это несправедливое замечание бьет как нож в сердце и пробуждает бурю. – Неправда твоя, – говорит она отцу. – Мои хозяева были люди добрые и добру меня научали. А только я глупа была, что их не слушалась, а вас слушала. Обида возрастает и умножается. – Вот как! – восклицает отец. – А мы тебя разве дурному учили? Мы тебе всегда писали: веди, дочка, себя честно! Разговор, – как всегда бывает при тайностях, – словно нарочно попадает не на ту колею, куда следовало, и, что называется, пронзает измученную душу, исторгая из нее страдальческий вопль, который в простонародном вкусе принимает характер перебранки. – А уж черт бы вас взял с вашими письмами!.. – отвечает грубительно дочь. – Знаем мы вас: "веди себя честно, да пришли нам чаю и сахару, и кофею, да денег побольше". Честные вы! честные! честные! В ней кипит злорадия, отчаяние, голос ее истерически дрожит, и на ресницах ходят истерические слезы... Этого с нею еще никогда не было... Это новость теперешнего ее исключительного положения. Отцу даже жутко становится, и он безмолвствует – она тоже. Ее томит мучительное предчувствие чего-то еще худшего – неизвестного, но неотразимого и близкого. Отец, если хотите, в самом деле огорчен строптивостью и грубостью дочери. Ведь они в самом деле всегда настаивали: "веди себя честно"... А предчувствия Грушу не обманули: в деревне никому в голову не пришло, что такое ее встретит в городе. Она в таком неопределенном возрасте: не девушка и не девочка, – какой-то межеумок, а между тем у нее как-то особенно потянуло щеки, и в фигуре ее для наблюдательного взгляда есть что-то двусмысленное. Женщины на этот счет очень проницательны и готовы дать добрый совет: "вы подождите немного и тогда можете в мамки". Это ужасно! Все читают ее позор. Она не хочет идти на старое место, где ее любили и берегли. Ей совестно добрых людей, которым она заплатила за их добрые чувства к ней непочтительностью и неблагодарностью. Но, однако, доколе придет ее час, ей необходимо надо пристроиться – и она ищет средства сделать это как-нибудь иначе. "Город большой, – припоминаются ей слова тетки: – не то, так другое делать можно". Но что делать и где это делать? Ведь не просить милостыни Христовым именем – это тоже дело, это – занятие, которыми занимаются очень многие люди. Как каждый из них дошел и зашептал: "дайте Христа ради!..." ...Бррр, как это страшно! Тетка тогда говорила, будто "просить никогда не стыдно". Неправда, – так просить очень стыдно. Девочка горит от стыда от одних размышлений, что с нею может случиться. А места нет и нет. Извозчики говорят: "иди к нам в стряпки: хорошие щи будешь варить – маткою звать будем"... Ей не хочется в "матки" к извозчикам – у них так сыро и гнило в их низкой подвальной квартире, с подпорками и черными стенами, где стоит густой тяжелый запах от сырых потников и полушубков... Это совсем не то, что было у покинутых хозяев, от которых свела ее тетка... Девочка забирается в темный угол, прищуривает свои ознакомившиеся со слезами глазки и старается унести из своего настоящего в милое прошлое. Это можно на легких крылах воспоминаний и мечты. Она теперь в уютной, светлой комнате, у круглого стола, на котором стоит чистая лампа. Вокруг добрые, честные лица – все за делом... Вот пожилая дама в очках... Она их поднимает на лоб и говорит не скоро, с рассуждением. Это она примеряла Груше носильные платья, которые все они шили вместе... Она ее крестила в молчании, с глазами, полными слез, когда отпускала ее, наученную говорить дерзости... Как там было хорошо... Это был рай в сравнении с тем, на что теперь приходится открыть глаза. Бежать туда... Нет, нет... там стыдно показаться, но пройти мимо... Взглянуть на знакомые окна... это можно; и это принесет ей какую-нибудь отраду. Зачем ей лишать себя этого... В извозчицкой избе теперь пусто... Их никого нет дома, только сверчок заунывно чиркает, да кто-то тихо-тихо дышит за печкой... Это кот угрелся. Но пока Груша догадалась, что это кот, ее глаза заметили в углу какой-то туманный облик... фигура... человек весь в сером, как будто в золе или в паутине... Это не мужчина, не женщина – это совесть... Она любит навещать друзей в сумерки и любит не спешить, а посидеть в гостях, пока не надоест... С нею жутко, от нее манится прочь, на воздух, на ветер, в толпу, меж людей. Серый человек, посещающий смятенную душу в тихий час сумерек, робок, он боится всякого многолюдства и шума. И оттого, если вам жутко, когда он зашевелится где-нибудь вблизи от вас в тот час, когда все кошки кажутся серыми, вы сейчас же можете прогнать от себя этого незваного гостя: позовите только к себе скорее кого-нибудь из тех счастливых, к которым совесть еще не приходила, – и серый человек сникнет... Груша это чувствовала: ей стало жутко, она покрыла голову платочком и выбежала из двери, оставив логово приютивших ее земляков извозчиков без запора и присмотра. Несносно, душно, тяжело... На воздухе легче. Свежая оттепель, ветерок со взморья так хорошо обвеивает жаркую шею и щеки, фонари горят ярко и слегка вздрагивают, на небе луна во всем блеске, и этот блеск с высоты небес отражается в темной лужице, образовавшейся у тротуара...

Ветерок рябит воду, и свет в ней дрожит. Сзади яркие окна какого-то магазина, закрытым отрезками старого ватного одеяла, и напеваает: "и с вязигой, и с грибами, потчиваю пирогами" ...Весело... Серый человек, вздыхавший в углу, исчез... Груша смотрит, как луна дрожит в луже, и припоминает, что ей приходила в голову глупая мысль вернуться домой, в свою деревню... Что же ей там делать? Там хуже, здесь веселее, здесь все лучше, даже эта луна здесь иначе рябит в темной луже. Только вот ее кто-то вывел из впечатления... Это - женщина с ребенком на руках, - она просит "Христа ради"... Вот это, значит, как надо, - в сумерки, когда не видно лица... Груша ей ничего дать не может... Она бы охотно подала, но у нее ничего нет, она сама готова точно так же протянуть свою руку... Домой, в деревню, она не поедет. Нет, ни за что на свете! Там станут ее упрекать, будут над нею смеяться, а здесь... здесь, по крайней мере, ее не знают... здесь можно все, потому что никто не увидит... И опять ее выводит из ее забывтья голос... Это иной человек: этот ее жалеет, называет ее "бедным ребенком" и кладет ей что-то в руки... Она берет и держит, что ей дали, в каком-то онемении... Голос говорит ласково: "Возьмите эти деньги. Я вижу, что вы расстроены. Вернитесь домой и через день, в этот час, выйдите сюда снова: я об вас подумаю". Добрый человек! Счастливый случай! Она шла посмотреть в окна дома, где она жила смиренно, счастливою девочкой, но не дошла... И она уже и не дойдет туда никогда... Зачем? Добрый человек ее не забудет. Он ее встретит, и она не ошиблась: он, действительно, ее встретил, но только он не совсем так бескорыстно добр, как она думала... Он скоро и совсем перестал ее встречать, и доброта его кончилась... Но она зато одета, она уже не живет у извозчиков. Серое привидение, впрочем, ее везде находит в сумерках, и она от него бежит и попадает на новые встречи... Перед ней разостлалась скатертью дорога... Она пропала... Да, она теперь не девочка Груша, а она - "барышня". Извозчик "со своей стороны", который так недавно и так наивно приглашал ее в "матки" для своей артели щи варить, теперь не сделал бы ей такого предложения. Теперь он говорит: "барышня", "сударыня". А что он о ней думает? О, она поднялась в его глазах ровно настолько же, насколько упала. Если бы разговор довести до задушевной откровенности, то предложи она сама себя теперь ему в стряпки - он с мужичками простодушно ответит: - Куда ты нам кстати!.. Кто твои щи хлебать станет? Она погибла. У нее в свое время является дитя. Его относят в воспитательный дом. Она над ним плачет, берет на него "номерок"... и метит ему ляписом ногти на ручке, чтобы его не переменяли. Она непременно хочет воспользоваться правом "взять его на свое печенье", и она его, может быть, возьмет. Это будет, может статься, ужасным несчастьем для младенца, но она сама о том не подумает. Теперь ей уже некогда думать, в ее голове вздор. В мамки ее никто не возьмет, да она и сама не станет особенно искать этого. Она знает, какое у нее прошлое. В том учреждении, где дитя ее увидело свет и впервые вскрикнуло от ощущения воздуха, всегда есть такие, кто знает средства, как помочь себе в этой жизни. Они уже были искушены таким же горестным положением и знают, как помочь искушаемой. Они ей укажут адрес, где ее приютят и не станут справляться ни о чем в ее прошлом. Все, что там нужно, она принесет туда с собою. Это - ее молодость и некоторая милота ее наружности. Нужда, привычка и слабость ума и воли решают выбор... Она теперь пойдет со ступеньки на ступеньку ниже и ниже и со временем дойдет до житья в "Вяземской лавре" и до торговли гнилыми яблоками. Позже еще протянет изнеможденную руку и, скрывая свое обезображенное лицо, попросит милостыни "Христа ради"... И только разве тут, только на этих последних ступенях ее оставит домашнее попрошайничество. Да, до сей поры ее все будут просить прислать им "чаю и сахару, кофию, и платья, и денег"... Это попрошайничество не пощадит несчастную во всех пройденных ею положениях и притупится разве только с сознанием, что с дочери уже "взять нечего, потому что она нищая"... Но пока она находится в барышнях и одевается в яркие платья, ей не дают покоя. Напротив, к ней во все это время приступают еще настойчивее; ее укоряют, ей пишут: "мы тебя так жить не благословляли, мы наставляли жить честно, а ежели у тебя такое произволение, то по крайности вспомни хоть про своих домашних и пришли домой чаю, кофию и денег и сестрам какое платье излишнее". И так далее - все в том же роде, и во все это время ее "навещают", и все видят, и понимают, чем она живет, и все тянут и тянут с нее, пока можно хоть что-нибудь у нее взять и увезти. Посещение "ночлежных", где сходятся петербургские нищие, не раз убеждало меня в том невероятном факте, что добрая сельская семья находит возможность вытягивать кое-что даже у нищенствующих. Разве уж те сами одеревенели от голода и, как издыхающие кошки, ищут не тепла, где согреться, а ямы, в которой протянуться и окостенеть. Тогда - конец. Конец! Да, таков более или менее конец этих обыкновенных историй, а их начало в той семейной и родственной жадности, в той деревенской глупости и безрасчетливости, с которой сами родители не дают детям

окрепнуть на ногах и созреть в силах до способности принести семье в свое время действительную помощь, которая бы стала полезнее узелочков сахару и кофе, истощающих средства девочки, когда она еще еле-еле начинает зарабатывать на кусок хлеба. Деревенские родители, при своей жадности и непонимании жизни, сами, своим необдуманным и неразборчивым поведением подставляют детей влияниям людей дурных – сами часто дают первое направление, чтобы не ценить и не уважать в хозяевах людей доброй нравственности и хороших правил. Страшно сказать, но нельзя потаить, что истинными девичьими пагубниками у нас в наибольшей части являются жадные на подарки родственники и даже часто сами родители подрастающей девочки. И они с этим, конечно, ни за что не согласятся – они вам непременно скажут, что они наставляли "вести себя честно", и они действительно не видят и не понимают зла, какое они делали своим детям, портя их детское чувство и развивая в них изобретательность как достать чаю, кофею и сахару. Они не знают, что большие дела бывают от малых причин, и... Вот вам серьезный и основательный повод вмешаться в это дело, мой благосклонный читатель! "Не бывайте только свидетели, но бывайте и делатели, ко славе Божией и облегчению искреннего своего". Оглянитесь вокруг себя, припомните хотя бы одну из малых сих, о которых я раскрыл вам что мог и как умел, щадя вашу скромность и мир души вашей; проверьте мой рассказ через тех ремесленников, у которых есть молодые ученицы, – и вы наверно услышите подтверждение моих слов. Русская простонародная семья только в очень редких, исключительных случаях представляет те простые, достойные уважения добродетели, которым украшает ее тенденциозно настроенная фантазия беззаветных поклонников деревни. Русская простонародная семья нравственно больна в деревне так же, как и в городе. Разница между ними только в понимании. Городской простоянин более знает так называемые "городские обстоятельства" и обращается с ними умнее и осторожнее, чем поселянин, который о тех же "городских обстоятельствах" имеет понятие недостаточное и неверное. Он, по простонародному же выражению, – "летит, как ворона", т. е. берет все слишком прямо, не соображая ничего, в чем благоразумие и опыт горожанина видит опасность и старается обойти ее. В обществе много зла и соблазнов, которые, может быть, не совсем правильно слагают на вину одной "городской культуры", но от чего бы оно ни шло, несомненно зло есть, и всего вероятнее – оно есть от того, что в несовершенной природе человека есть склонность ко злу. Этот вопрос имеет весьма большую и славную литературу, в которой занимает очень почетное место трактат Эрнеста Невиля. Кто хочет сделать себя состоятельным, чтобы судить о зле и его вероятных причинах, – тот найдет удовлетворение своей любознательности в готовых сочинениях, вышедших из-под пера людей, обнявших предмет так широко и многосторонне, как я не могу этого сделать. Моя задача обыденнее и проще, а притом она и гораздо уже, и предложить нам на потребу злобы сегодняшнего дня, когда в нашем обществе, вследствие каких бы то ни было причин, обострилось внимание к избытку молодых девушек, идущих путем, делающим бесчестие их полу. Тут нет нужды отвлекаться в разбор философских теорий о социальном зле, а достаточно стоять на самой простой точке – прямой и практической пользе, которую всякий человек принести может, если он того захочет. Возвращать с того пути, который мы считаем гибельным и которым, без сомнения, идут очень многие девушки, – конечно, гораздо труднее, чем остановить у его гибельного начала. "Возвращать" – это дело людей особенных сил и особенных добродетелей, которые даны не всякому. Это дело титанов или праведников, которым их необычайная любовь и самоотвержение дают чудотворную силу воскрешать к жизни то, что "четверодневно и смердит". Тот, на чье имя "уповают народы" (Мф.; XII, 21), одним словом, одним своим появлением восстанавливал чистоту "в сердце сумрачном блудницы". Если вы не читали в подлиннике этого апокрифа, то вы, конечно, читали прекрасное стихотворение гр. Ал. Толстого ("Грешница") или стояли в благородном самоуглублении перед картиной Семирадского, который изобразил это священное чудо в пластических образах. Люди обыкновенных сил и средних дарований, как все мы, не должны и не смеем претендовать на достижение чего бы то ни было вроде того, что передает нам апокриф, вдохновивший нашего поэта и живописца. В наши дни существуют и где-то действуют комитеты, состоящие, быть может, из очень благонамеренных людей, готовых направить и навести на путь истины все с него соvrащенное; но вся их слава, которая по словам мудрого "бывает громче дел, ею возвещаемых", – не воstrубила еще о совершении ими дел, достойных прославления. "По плодам их познаете их" (Мф., VII, 16), а плоды их суть не плоды, а "смоковничьи листья", которые не покрывают даже сверкающую наготу всех их забот и попечений. Беспристрастное и основательное изучение этих дел способно убедить разумного человека только в одном полном бессилии сих деятелей одолеть роковое и старое зло, известное нам со времен библейских. "Мир положен во зле" (1 Ион., V, 19) и "соблазнам надлежит прийти" (Мф., XVIII, 7. Лк., VII, 23), но надо, чтобы нам самим "не соблазнить никого" (Мф., XVII, 27). Соблазн и ложь идут рядом, и от

Пагубники. Николай Семенович Лесков leskovnikolai.ru
лжи родится соблазн.

Хромой бочар в Нюрнберге не делает луну, точно так же как не он делает и общественное мнение, устанавливающее тот или другой взгляд на известные причины известных последствий в общественной жизни. Это делаем мы – вы, я и всякий другой нам подобный. Если вы и я не хотим вникать в дело своим словом или делом или неделанием поддерживаем заблуждение – мы повинны во всяком зле и соблазне. Присмотритесь к делу, откинув всякие предвзятости в пользу "простодушных поселян" или не в пользу "культуристов", прислушайтесь к общему почти голосу педагогов и хозяев – и вы от них не услышите похвалы семье русской. Общий голос этих людей такой, что "дети из семей приносят в школы и в заведения ужасные понятия", с которыми приходится отчаянно и часто безуспешно бороться. Читайте газетные объявления: "ищут для прислуги девочку из деревни". Пойдите к этим "ищущим", и вы услышите при их договорах требование: "чтобы не ходили тетки". Неужто это не убеждает вас, что все это множество людей, чуждых всякой направленной тенденции, опытом знает, откуда приходит зло и соблазны?.. Конечно, хозяева (как и воспитатели) оберегают себя от неприятностей дела с привходящею порчею принимаемого ими подростка, но и самый великий интерес каждого из "малых сих" находится в связи с этим требованием. Родные на это обыкновенно дают свое согласие и потом не исполняют своего обещания – и происходит приблизительно то, что я вам рассказал в невымышленной истории Груши... Если вы не уверены в том, что я привожу тут как плод моих наблюдений, сделанных в течение двадцати пяти лет жизни в Петербурге, то проверьте их... Это так нетрудно, потому что это совершается на всякий час и на всяком месте, – в числе ваших знакомых, в числе известных вам ремесленных хозяев непременно вы встретите людей, которые вам основательно расскажут – какое зло приносят детям посещающие их сельские родственники. Поверьте же этому голосу многих и не прилагайте зла ко злу, поддерживая тенденциозных болтунов и мечтателей, рассказывающих о чистоте сельских нравов и о заботе родных. Пусть есть прекрасные исключения в этом роде – этого никто не может оспаривать, но дело не в исключениях. И почему в самом деле свет исходит из тьмы – "от вещи во тьме приходящей"? К чести нашего большого города, обильно прославленного своим эгоизмом, кто из нас не знает семейных и одиноких людей, которым тот или иной случай привел беспомощного ребенка, и они его призрели, полюбили и ведут как умеют ко благу, – "из мрака к свету". Узнайте же теперь, сколько из них имеют завидное счастье вести это дело без помехи и досаждений со стороны родственников дитяти... О, как благополучен тот, кто призрел и возлюбил круглого сироту, у которого нет ни роду, ни племени, и как много горя и досаждений ждет того, у чьего питомца или питомки есть родные!.. Пусть вся их заслуга перед этими детьми заключается в одном извержении их в юдоль плача и страданий, но эти родные по названию отравят вашу жизнь своими правами, своими самыми пагубными и даже часто жестокими вмешательствами... Наконец, мало того, – увидав, что вы полюбили ребенка и жалеете его, они прямо и беззастенчиво перейдут к эксплуатации вашего чувства... Это в нравах, в обычае, даже, может быть, в правилах их "безыскусственного чувства". Вы любите несчастное дитя, вы хотите о нем заботиться – платите за это! Доход с ребенка – это самая законная вещь по понятиям его родителей. Если вы неподатливы или не найдете средств защитить дитя от притязаний матери, которая его не любит, но имеет на него права, – она обратится к властям и отнимет его у вас, и... потом его бросит... В приют или под забор... И это лучшее – а то она его сдаст тетке, живущей где-то на кухне или в вертепе, где принимают "ночлежных". Там ребенку гибель... если вы его не отыщете и не покоритесь, т. е. не дадите за него выкуп... Если сердечная доброта и сожаление довели вас до этого слабодушия – вы вечный данник существа самого низкого, самого злого и недостойного, но... стоящего на своем праве... И в случаях далеко этого лучших добрый человек в подобных делах все-таки спокоен. Если вам недостаточно общих указаний, я мог бы вам назвать много примеров, много лиц достойных и известных, которые с опыта знают, сколько горькой правды заключается в том, что я вам рассказываю; но, боясь оскорбить их скромность и, может быть, повредить тем несчастным, которые проводят свое детство в любви их, я прошу вас поверить мне на слово. Таких, которые знают, что излагаемое мною есть, к несчастью, совершенная правда, – немало, и вы их, если захотите, очень легко встретите. Они вам расскажут о престолярной любви к детям совсем не то, что говорят тенденциозные народники и враги культуры, и вы хорошо сделаете, если поверите людям, выстрадавшим свое убеждение, что в простом, необразованном человеке не меньше, а напротив – гораздо больше зла, чем в осмеиваемом ныне "интеллигенте" или даже слегка помазанном образованием горожанине. Уверьтесь в этом – и это будет с вашей стороны первый шаг от несправедливости и сделает вас готовым стать на правую сторону, когда в жизни

встретится к тому потребный случай. Это – первое. Понимайте дело как оно есть, а не так, как его вам представляет в своем вкусе пристрастная тенденциозность, и верное понимание приведет вас к верным и справедливым поступкам. Было бы очень несправедливо и обидно, если бы кто-нибудь нашел во всем тоне этой беседы намерение колебать или подрывать авторитет родительской власти над детьми. Мы желаем только того, чтобы власть эта не была орудием против воспитания детей в лучшем духе и направлении, и желаем, чтобы дело было ведено к тому мерами, зависящими от самого общества. Если закон наказывает за покушение на жизнь и увечие детей, то общество может и должно охранять их от вреда нравственного, который наносит им неразумие и алчность родственников, ведущих их на путь гибели. Это может не оставаться одною фразою, но может перейти в действие и оказать подрастающим девушкам более существенную пользу, чем заботы возвратить погубленные души. В этом направлении, не без надежды на успех, может оказать доброе влияние каждый, кто станет умерять торопливость родителей извлекать выгоды из девочки ранее, чем силы ее окрепни и она получила возможность делиться своими заработками с семьей, не обнищая самое себя. Не упускайте случаев об этом говорить простолюдинам, имеющим в городах дочерей, и указывайте на неминуемо вредные последствия их подсылов и попрошайничества. Это может делать каждый. Еще более могут принести пользы в этом роде лица, находящиеся в особенно выгодном положении для сообщения добрых советов и полезных внушений. Нескольким лет тому назад я жил летом в финском селении, где в одно воскресенье местный пастор говорил речь, особенно растрогавшую его прихожан. Многие из слушателей, как я видел, плакали. Пастор был на вид простой, большой, неуклюжий чухонец: с бесцветными глазами и желтым квадратным лицом, – и речь его (которой я не понимал) шла без особенного оживления и, по-видимому, не могла быть талантлива, но... Тем не менее она тронула чухон – людей далеко не так восприимчивых и чувствительных, как наши русские люди. Пастор говорил им о детях: а именно – он предостерегал своих слушателей, чтобы они ничего не просили и ничего не брали у своих дочерей, отданных в учение или в услужение в город, – и он указывал своим слушателям те самые вредные последствия этого попрошайничества, о которых мы говорим нынче. Чухны плакали – я мог думать, что они виноваты в том грехе, на который им указывал пастор, и плачут от раскаяния. Но я в последнем ошибся. – Нет, – сказал мне пастор, с которым я вступил в разговор при его выходе из кирки: – нет, они этого еще не делали, и им пока не в чем раскаиваться. Но мои прихожане живут в тесном соседстве и в беспрестанном общении с русскими, у которых это делается, – я видел вред такого ужасного поведения со стороны русских родителей и счел долгом предупредить своих слушателей, чтобы они не научились следовать примеру своих русских соседей. Мои прихожане плакали от сожаления к чужим детям. В каждом русском селе, где есть храм, есть и живое лицо, поставленное в такие же отношения к своим прихожанам, как упоминаемый мною чухонский пастор, и это лицо несомненно может также успешно влиять на разум и чувство своих прихожан, если захочет раскрыть перед ними весь вред, причиняемый их безрассудством и алчностью их собственным дочерям, отданным в город. Русский сельский священник, сделав такие внушения, вероятно, мог бы достигнуть даже еще большей восприимчивости. Так как он говорил бы людям, имеющим достаточные принципы заплакать не о чужих, а о своих детях. Третьим путем воспособления могла бы быть та отрасль русской печати, произведения которой предназначаются исключительно для простонародного или даже прямо для сельского чтения. У нас даже есть специальный орган, носящий заглавие "Сельский Вестник". При его основании была в виду цель, чтобы журнал этот служил "нуждам народа". Я имел честь быть приглашенным к соучастию в этом издании на самых лестных для меня условиях – "самому назначить себе вознаграждение", и уклонился от этого потому, что не видел там никакого места для литературного соучаствия. Я поместил в газетах статью, в которой показал бросающееся в глаза несоответствие этого издания простым, но наиважнейшим целям, к которым должно идти издание, назначаемое для простого народа. В нем важны не сочинительство и имена писателей, а постоянное или временное значение в жизненном обиходе селянина. Статья моя была отмечена вниманием там, где это было нужно, но пользы делу это не принесло. И "Сельский Вестник" и другие народные журналы неизменно идут своею, как я убежден, ошибочною и неприглядною для их читателей дорогой. Они стараются быть литературными и усерднее всех прочих портят наш прекрасный, ясный язык, низводя его до гадостей низменного жаргона, который там считают за народный язык, тогда как, по резкому, но меткому выражению И. С. Аксакова, то есть "язык ерницкий". К сожалению, в этих изданиях до сих пор держатся прежних традиций, которые лишают наши народные листки жизненной целесообразности. Простонародный читатель не находит в них ничего, что ему интересно и полезно в самом прямом соотношении к делам его быта (*). Если бы издания эти не гнались за беллетристикою, а говорили толково о том, как идут в городах те дела и занятия,

Пагубники. Николай Семенович Лесков leskovnikolai.ru

до которых есть интерес сельским людям, ходящим в городские заработки или имеющим там детей в учреждении или в услужении, то это сделало бы народные листки полезными народу и он оценил бы их полезное значение. Держась такого не тенденциозного, а простого, правильного и практического образа действия, народные листки могли бы не льстить "сельской простоте", а растолковали бы ей - почему самим народом сложена поговорка, что "простота хуже воровства". Проста просьбица "пришли нам чаю и кофию", и она подкрепляется даже "благословлением" - "веди себя честно"; но на практике одно другое поборяет, и "благословление" - "веди себя честно" оказывается слабее желания добыть денег "как можно". Народные издания точно не видят этих хронических явлений и тем приносят народу вред вместо пользы. Но, конечно, это может быть направлено гораздо практичнее и жизненнее, и тогда оно может остановить неблагоприятное отношение сельских родителей к их дочерям, пребывающим в городских услугах, - и тогда для этих неопытных и слабых рассудком существ будет одною важною причиною меньше доверительно славеть свои понятия изобретением средств, как добывать подарки. А это и есть "начало болезни".

(* Замечательно, что наши так называемые "народные" периодические издания столь несвободны от тенденциозности, как издания направленные, но тут это доходит до бессмыслия. Так, например, в народных изданиях принято превозносить деревенскую жизнь и порицать или выставлять в невыгодном свете жизнь городскую - как будто есть какая-то умная цель поссорить селян с горожанами и как будто государству и обществу полезны одни селения, а города не нужны и вредны. Причем вовсе не упускается из виду, что есть множество сел, которые только и существуют работами и промыслами, производимыми для городов, и жители таких селений все знают, что им без сношений с городами невозможно обойтись. Полезнее, кажется, было бы оказывать разумное посредство в уяснении этих положений. Например, три года тому назад, когда сократился приход судов к нашему порту, газеты писали, что набережные переполнены людьми, пришлыми искать выгрузной работы, которой в этот год не оказалось. Люди эти бедствовали, и с отправлением их на родину было немало хлопот. Ведь это могло бы быть предупреждено и отвращено, если бы народные издания были внимательны к "городским обстоятельствам", про которые надо знать людям, живущим в деревне городскими промыслами. Им надо было сообщить, что судов в приходе мало и работы нет. Запрещение торговать фруктами с лотков у гостиного двора вызвало такое же недоумение и тоже могло быть сообщено заблаговременно. В нынешнем 1885 году не оказалось в приходе половинного количества судов к рижскому порту, а во все лето в Ригу плелись из отдаленных мест голодной Белоруссии чернорабочие "выгружать" - и бедствовали страшно. По их адресу полезно бы своевременно напечатать, что в Риге не стало той работы, к которой эти люди привыкли сюда сходить. Прошлой весной еще было известно из газет, что трактирные садики при городских ресторанах лишаются права производить летом торговлю, но народные газеты не сочли нужным рассказать это, вероятно, думая, что такое известие имеет значение только для городских гуляк и к сельским людям не имеет никакого касательства. Между тем, во все лето в аллеях петербургских парков доводилось встречать подавленные личности каких-то странных людей в худой обуви и с испитыми лицами, но непременно с фракками под мышками. Это все были сельские люди, промышленяющие "по лакейной части". Они привыкли приходить для усиления комплекта "услугающих" в садиках, - а садики были "прикрыты", и "услугающие" остались без дела и без хлеба в столице. Вот малые образцы разобщения интересов городских и деревенских, а есть и большие. (Прим. автора.). *)

Но всех более могло бы оказать пользы предупреждению девичьих бедствий то особенное общество, которое хочет покровительствовать детям (и да ниспошет милосердие небо, чтобы это не было пустою и праздною затеей!). Задача этого общества ограничивается спасением детей в их младенческом возрасте, но в детстве и дело. Есть целая область, где гибель девочек намечается в их детстве и потом неотразимо доходит до своей роковой меты. Я говорю о так называемых "дочерях девиц". В Европе знают, как участь этих несчастных существ ужасна своим предопределением к гибели с самого детства. Покойный Вильмессан написал о них когда-то прекрасную статью в "Figaro". Что следует разуметь под словом "дочери девиц" - это, я думаю, разъяснения не требует. Путь их, однако, не одинаков: одни из них рождены и брошены на попечение добрых людей. Эти сравнительно счастливее прочих. Другие сданы в воспитательный дом и позабыты и случайным отцом и матерью. И эти еще не из самых несчастных. Их или не позабудет на первых же годах всепримиряющая смерть, или они вырастут в селе, где их устроил "на грудь" воспитательный дом, и со временем выйдут замуж за крестьянина и потянут тягло - "будут нянчить, работать и есть". Жизнь их будет очень тяжела и знакома

Пагубники. Николай Семенович Лесков leskovnikolai.ru

с лишениями, но они не узнают, быть может, самого ужасного лишения – лишения возможности назвать свой труд, от которого кормишься. Самые же несчастные это те, которые по недостатку опытности и наблюдений кажутся на первый раз счастливыми. Это те, о которых их матери не позабыли, а все "мечтают" их "взять на свое попечение" и очень часто берут, если к тому блеснет моментальная возможность. Воспитательный дом до двух с половиною лет предоставляет матери право взять сданного ею ребенка обратно на свое попечение. Все это кажется справедливо, милостиво и законно. В самом деле кто же может любить дитя лучше, нежели его родная мать, и зачем "казна" стала бы мешать такому прекрасному движению материнской природы. Но – Боже мой! – какая жалость, что "природа" не говорит серьезно чувствам этих "матерей", а как легкомысленная вертушка бросает им чрезвычайно бедственные для детей, трогательные, но непрочные впечатления.

"...Природа им

Лжет детским лепетом своим".

Она им вдруг внушит прилив какого-то мечтательного желания обнять свое дитя, без всякой мысли принести ему в жертву неудобную в материнстве часть своих порочных привычек. У нее есть на этот час какая-то возможность "заявить" воспитательному дому, что она "живет своими средствами" и желает взять свое дитя. Этим все кончено. Воспитательный дом вытребует от чухон ребенка, и те привозят его к матери, и дай Бог, чтобы это случилось вовремя и к стати. Но, к несчастью, чаще всего дитя привозят, когда мать уже "расстроивши свое положение" – она нездорова, она без места, или "расстамчись с ним" или еще "с непривычки к другому"... Словом – ребенка привезли не вовремя. Да он и не хорош: она "так дожидалась", что дитя, ею рожденное, непременно "как ферувим", а оно так себе... Неудовольствие!.. "Да и не обменяли ли его? Говорят, что бывает... Ляпис с ноготков сошел, а номерок на шейку можно переменить"... Родится подозрение, охлаждение, раскаяние... досада: "зачем я его взяла!" А оно плачет... Трепку ему, маленькому горюну... а оно еще больше плачет... Повторение... Потом давай его с постели "под ноги", потом – в дальний угол, потом... куда попало... хоть "в полынью на лед", как сделала зимой 1884-5 г. крестьянка Байкова, сначала морившая свою двухлетнюю дочь холодом и голодом, а потом утопившая ее в ледяной полынье против Экспедиции заготовления государственных бумаг... Эта женщина разыграла всю свою увертюру с ребенком как по нотам: сначала она родила девочку от случайного отца, потом сдала в воспитательный дом, притом ей почудилось, будто она ее любит, – она попросила, и ей девочку выдали, но дитя вышло слабенькое – все плакало, а он этого не любит и жениться не хотел... Байкова, когда выпрашивала себе дочь из воспитательного, не вздумала тогда, что ее еще пленит любовью унтер и что он будет не охотник до детского плача... Теперь надо это помирить между собой: она пошла и, скрутивши ребенка в тряпки, швырнула его в ледяную полынью... Злодейка?... Ничуть не бывало: чернорабочая всенародность, обитающая бесконечные низы Экспедиции, честно и по совести объявила при следствии, что распорядившаяся таким образом Байкова "была как все". Да, она совсем не была особенная – она "была как все", а этих "всех" там, в низменностях "Экспедиции" – целый маленький город... Без борьбы сдать в воспитательный, без серьезного обсуждения взять оттуда, по приливу минутного чувства, потом хладнокровно спустить в полынью... это – "как все"... И экспедиционная всенародность не лжет: да, да, мой читатель, все или почти все они в этих делах, за которые их хвалят сентиментальные дурачки и кофейные переварницы, – все они способны поступить так же умно, так же великодушно, так же решительно. И знаете ли, что и это еще не худшее. Залиться в ледяной полынье все-таки легче того, что не только стоит на пути, но само составляет самый путь "дочерей девиц". Вильмессан говорит, что в Париже мать такой девочки "готовит дочь на свое место и сама становится при ней *bonne pour tout faire*" (*). – Как это в Париже – точно так же это идет и у нас: там мать становится при сменившей ее дочери "пуртуфершей", а у нас она делается дочерней служанкой, живет у нее на "куфне", чистит ее обувь и платье, подает калоши ее гостям, ходит за напитками и папиросами и... не смеет назвать ее своею дочерью... Иногда, и даже очень не редко, когда нарядная дочь возвращается домой в "неудовольствии" и мать не "потрафляет" скоро служить ей, – эта дочь позорно ее бранит и бьет и выгоняет на лестницу... И та не смеет даже жаловаться людям, потому что добрые люди скажут: "ништо тебе, бесстыжая старуха", – не смеет она идти и к судье, потому что тот спросит их обеих: чем они занимаются, а дочь все нагло скажет и добавит, что мать ее "сама довела". (* Девушкой на побегушках (фр.). *) На этом ужасном положении мы можем кончить, потому что круг соращения здесь в главной линии кончен, а до исключения, как и до деталей – нам нет дела. Мы видели, что в

Пагубники. Николай Семенович Лесков leskovnikolai.ru

главных чертах производит в первом поколении неразумие родителей деревенских, к чему это приводит во втором поколении рожденных в городе "дочерей девиц". Далее этого идти уже некуда, и можно с утвердительною сказать, что действительно "последняя вещь горше первой", ибо дочь крестьянки еще "для прилики" слышала наставление: "веди себя честно", а "дочери девиц", как выразилась одна из них на суде, получают от своих матерей "прямое руководство к своей жизни". Здесь, к удовольствию селохвалителей и градоненавистников, городские фрукты действительно оказываются гниlostнее деревенских, но дело не в скверных концах, а в дурных началах... Несчастнейший контингент существ, о которых теперь вздумали говорить в "сферах", по преимуществу состоит из "дочерей девиц", и они составляют особи самые закоренелые и неисправимые в "руководстве своей жизнью". Специальные комитеты, основанные для руководства их к иной жизни, - бессильны перед их привычкой, так же как тюрьмы и исправительные дома. "Привычка - чудовище". Одна благодушная дама, заведовавшая приютом, где исправляли таких несчастных, рассказывала мне, что они еще кое-как "маячат день", но "с приближением сумерек ими точно овладевает дьявол; он их томит, они начинают мучиться взаперти, как звери в клетках, и готовы разбить себе головы, чтобы уйти куда-то". И притом очень многие из них часто наделены умом, добротой, честностью и даже нежностью и уважением к добропорядочной жизни... Уважение и несостоятельность самой достичь его под искушением сумеречного дьявола... Это мог бы изобразить только один Эдгар По. Но нет никакого сомнения, что в распоряжении общества могут оказаться достаточные средства предохранить если не всех, то многих от этого ужаснейшего состояния, когда уже никакая морализирующая сила человеческая не действует, а словом чудотворца наше общество не располагает. Законоположение, по которому требуется, чтобы у матери ребенка, требуемого из воспитательного, были "свои средства" для жизни, без сомнения, вытекало из похвальной заботы, чтобы ребенок не погиб на руках неимущей матери. На практике это сводится к фикции, которая ничего не гарантирует. Но "человек жив бывает не о хлебе едином" - нравственное состояние стоит не меньшей заботы, и такая забота до известной степени возможна. Пока дитя в ведении воспитательного дома, за его воспитателями есть контроль, - дитя посещают врач и ревизоры. С выдачею его матери все это кончается, несмотря на то, что крестьяне, у которых росло дитя, нравственно часто надежнее, чем мать... Общество покровительства детям тут может и, кажется, должно бы прийти на помощь и оказать в очень большом масштабе подвиг своего служения беспомощному детству. Нет нужды лишать мать ее права получать своего ребенка, но есть святое право человеколюбия желать, чтобы у такого ребенка, кроме матери, однажды его уже покинувшей, был опекун и поручитель за то, что оно не будет утоплено, задушено, заморено, продано нищим и "пятнальщикам" (о которых писал В. С. Крестовский), и наконец, чтобы оно не было "прямо ведено по руководству к неправильной жизни". Общество, желающее покровительствовать детям, не обнаружит ни прозорливости, ни способности бороться со злом в обхвате, если оно не захочет приклонить свой слух туда, откуда несется самый раздирающий вопль маленьких "дочерей девиц", поедаемых своими матерями. Имеющие уши, чтобы услышать, - должны бы это услышать.

КОММЕНТАРИИ

Опубликовано в журнале "Новь" No 1 в ноябре 1885 г.

Входит в цикл "Рассказы кстати". Цикл, печатавшийся в "Нови" на протяжении почти полутора лет (с ноября 1884 по февраль 1886 г.), включает беллетристические вещи, сравнительно широко известные (например, "Жемчужное ожерелье", "Александрит", "Старинные психопаты", "Интересные мужчины"), но также и "Пагубники" - очерк с открыто публицистическим прицелом. "Рассказы кстати" были изданы отдельным томом в 1886 г., "Пагубники" туда не вошли и впоследствии не переиздавались. Очерк надо воспринимать в общем контексте борьбы Лескова против "сентиментального народничества". Есть, однако, и контекст сугубо личный. Проникновенные строки Лескова о "завидном счастье" воспитывать сироту и об отравлении этого счастья посягательствами родителей или родных сироты имеют под собой фактическую основу: в 1883 году Лесков призрел четырехлетнюю дочь своей горничной и, воспитывая девочку, вступал в юридические споры с ее матерью, которой в октябре 1885 г. было отказано от дома. Историю Кетти Кукк и ее дочери Варвары Долиной см. в книге А.Н. Лескова "Жизнь Николая Лескова", Т. 2. С. 266-268. Стр. 267. Статья, где Лесков "собрал и напечатал в одном, из наших исторических журналов несколько исторических сведений о том, как у нас... собирались уничтожить публичную пагубу у девушек", называется "О римских прелестницах и о благословенных браках" (Исторический вестник. - 1885. - No 10. - С. 228-232). Стр. 279. Половня - сарай для соломы. Стр. 287. Семирадский

Пагубники. Николай Семенович Лесков leskovnikolai.ru
Генрих Ипполитович (1843–1902) – русский и польский живописец академического направления, картина которого "Христос и грешница", выставленная в Петербурге на академической выставке 1873 г., вызвала большой интерес и споры в публике и критике. Стр. 291. Статья "О сельском вестнике" опубликована в "Новом времени" № 2002, 24 сентября 1881 г. Стр. 293. Вильмессан Ипполит (1812–1879) – французский журналист и издатель, основатель газеты "Фигаро". Л. Аннинский

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://leskovnikolai.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!